

V.

К р е с т ь я н е.

Говоря объ исторіи русскаго крестьянства, намъ придется раскрыть весьма печальную страницу. Еще ребенкомъ, я видѣлъ послѣдніе годы «старого порядка» въ Россіи. Онъ рухнулъ менѣе полувѣка тому

назадъ, причемъ освободительная реформа 1861 года казалась тогда нѣсколько запоздалымъ актомъ справедливости и политическаго благоразумія. А, между тѣмъ, она была проведена преждевременно и слишкомъ поспѣшно. Почему? Потому что тотъ порядокъ вещей, который она уничтожила, существовалъ не больше двухъ съ половиной столѣтій. Во всѣхъ европейскихъ странахъ рабство было пережиткомъ минувшаго варварства; въ Россіи, наоборотъ, оно было продуктомъ новыхъ отношеній, которыя складывались одновременно съ переходомъ государства на почву обще-европейской цивилизаціи. Въ извѣстномъ смыслѣ, крѣпостное право явилось въ Россіи парадоксальнымъ послѣдствіемъ новѣйшей фазы національнаго развитія.

Да, этотъ парадоксъ оказывается несомнѣннымъ фактомъ исторіи. Къ концу XVI вѣка, подъ давленіемъ новыхъ соціально-экономическихъ формъ, во всѣхъ европейскихъ странахъ рушился старый, феодальный порядокъ. Узы, связывавшія земледѣльца съ личностью землевладѣльца, порывались при этомъ или, по крайней мѣрѣ, становились слабѣе. Это происходило въ Европѣ повсемѣстно, не исключая и Польши, которая была всего ближе къ Россіи.

Что же въ Россіи? Въ это время здѣсь выковывались цѣпи, которыхъ раньше и не существовало!

До конца XVI вѣка главная масса русскаго крестьянства сидѣла на земляхъ, которыя были или завоеваны, или открыты вновь при колонизаціи сѣверо-восточной окраины. До этого времени, по крайней мѣрѣ, формально крестьяне были лично свободны. Пожалуй даже, сравнительно съ прежнимъ, ихъ положеніе нѣсколько измѣнилось къ лучшему. Раньше крестьяне носили если не позорное, то уничижительное имя «*смердовъ*» (производное отъ смердѣть). Теперь они получили новое имя. Съ одной стороны, это имя свидѣтельствовало о ростѣ ихъ соціального достоинства; съ другой—въ немъ обнаруживался все тотъ же недостатокъ соціальной дифференціаціи, который являлся самымъ характернымъ признакомъ тогдашнихъ общественныхъ отношеній. Жилъ ли крестьянинъ въ деревнѣ или въ городѣ, воздѣлывалъ ли онъ землю или занимался другими дѣлами—онъ назывался теперь просто *крестьяниномъ*, т.-е. *христіаниномъ*.

Крестьяне составляли въ то время главную массу земледѣльческихъ или промышленныхъ рабочихъ. Было безразлично, обрабатывалъ ли крестьянинъ собственную землю или такую, которая принадлежала ему лишь въ извѣстной части. Такъ или иначе, онъ самъ

и его трудъ оставались совершенно свободны. Въ первомъ случаѣ, онъ могъ по усмотрѣнію распоряжаться своею собственностью: лишь-бы государство или община, отъ которой онъ зависѣлъ, правильно получали съ него причитающіеся налоги. Во второмъ случаѣ, онъ являлся какъ-бы фермеромъ или арендаторомъ и платилъ за пользование землею согласно различнымъ условіямъ, заключеннымъ съ ея владѣльцемъ. Эти условія зависѣли и отъ мѣстныхъ обычаевъ, и отъ реальной цѣнности земли и, въ особенности, отъ юридической природы занимаемаго участка.

Однѣ земли назывались *бѣлыми*, т.-е. свободными отъ государственныхъ повинностей; другія именовались *черными* и несли на себѣ податное бремя. Къ первой категоріи относились вотчины и помѣстья; ко второй принадлежали земли дворцовыя, а также крестьянскія. Земельныя имущества Церкви относились то къ той, то къ другой группѣ: это зависѣло отъ особыхъ условій, создаваемыхъ для духовенства, или же отъ свойства тѣхъ участковъ, которые оно пріобрѣтало.

Арендные или оброчные договоры заключались, обыкновенно, или на три года, согласно господствующему сѣвообороту, или даже на болѣе продолжительные сроки. Такіе договоры были частымъ явленіемъ особенно на сѣверѣ и въ центральныхъ областяхъ государства. При этомъ лица, пріобрѣтшія право пользованія землею, получали по большей части значительную свободу дѣйствій. Нѣкоторые договоры создавали для земледѣльца положеніе, напоминающее обязательство англійскаго *свепап'а*: напримѣръ, онъ долженъ былъ рубить лѣсъ и перевозить его на усадьбу помѣщика; въ нѣкоторыхъ случаяхъ, по образцу французскому *foragiage*, онъ выплачивалъ извѣстную сумму при выдачѣ замужъ дочерей. Обычай требовалъ также, чтобы такой держатель земли дѣлалъ подарки землевладѣльцу въ извѣстныхъ случаяхъ: это происходило на Рождество, на Пасху и въ нѣкоторые другіе большіе праздники.

Всѣ эти спеціальныя повинности именовались *баричиной*, *издѣлѣмъ* или *боярскимъ дѣломъ*. Въ нихъ нетрудно увидѣть зародышъ будущихъ—увѣ—уже рабскихъ отношеній. Въ то время, впрочемъ, онѣ имѣли еще нѣкоторое реальное оправданіе. Дѣло въ томъ, что часто, принимая землю, крестьянинъ получалъ ссуду отъ помѣщика въ видѣ денегъ, орудіи или сѣмянъ. Эту ссуду онъ и покрывалъ извѣстными повинностями; разумѣется, ими оплачивались и проценты по долгу.

При большомъ разнообразіи указанныхъ условій землепользованія представляется довольно затруднительнымъ опредѣлить ихъ приблизительную таксировку. Въ центральныхъ областяхъ государства, около половины XVI вѣка, земельная рента съ *обжи* или *выти* (отъ 5 до 10 десятинъ) доходила до одного—двухъ рублей. Но очень часто денежный взносъ замѣнялся обязательной отработкой долга: такъ, напримѣръ, держатель *обжи* обязывался обработать въ пользу помѣщика отъ десятины до полутора земли. Было бы весьма интересно опредѣлить относительную цѣнность тогдашней денежной единицы, т.-е. рубля. Основываясь на сопоставленіи хлѣбныхъ цѣнъ, нѣкоторые полагаютъ, что тогдашній рубль равнялся приблизительно 100 теперешнимъ. Во всякомъ случаѣ этотъ расчетъ представлялся весьма проблематичнымъ.

На черныхъ земляхъ, входившихъ во владѣнія государства, земельная рента замѣнялась налогами и повинностями. Иногда они точно соответствовали этой рентѣ, но, по большей части, уступали ей по тяжести. На бѣлыхъ и черныхъ земляхъ, принадлежащихъ Церкви и, главнымъ образомъ, монастырямъ, условія землепользованія были также, обыкновенны, болѣе легкими.

Крестьянинъ, поселившійся на помѣщичьей землѣ, могъ и оставить свой участокъ—разумѣется, покончивъ всѣ счеты съ владѣльцемъ. Равнымъ образомъ и землевладѣлецъ, по истеченіи договорнаго срока, имѣлъ полное право предоставить свой участокъ другому. И первое, и второе были частымъ явленіемъ, такъ какъ населеніе, вообще, постоянно переходившее съ мѣста на мѣсто, въ эту эпоху было особенно подвижно. Но уже съ XV вѣка, въ силу экономической необходимости, эта обоюдная свобода подверглась извѣстнымъ ограниченіямъ. Установился обычай, по которому помѣщикъ не долженъ былъ пользоваться своимъ правомъ во время жатвы: въ эту пору и крестьянинъ, со своей стороны, конечно, не могъ и думать о переходѣ на новое мѣсто. Иванъ III внесъ въ эту область еще болѣшую опредѣленность. Для перехода крестьянъ и для улаженія счетовъ съ землевладѣльцами былъ установленъ двухнедѣльный срокъ, считая до и послѣ Юрьева дня, т.-е. 26 ноября. При этомъ крестьянинъ, покидавшій землю, обязывался уплатить въ пользу помѣщика такъ называемое *пожилое*. Въ зависимости отъ цѣнности участка размѣры этой суммы колебались между 56 копѣйками и 1 р. 6 копѣйками.

Таковъ былъ законъ. Конечно, на практикѣ онъ постоянно нарушался. Рабочихъ рукъ было мало: ихъ разыскивали повсюду, и, какъ князья переманивали къ себѣ «слугъ», такъ и помѣщики перетягивали крестьянъ одинъ отъ другого. Часто это совершалось насильственнымъ образомъ: такая операція называлась въ то время *сво-зомъ*. Нерѣдко также принуждали крестьянина волей-неволей остаться на мѣстѣ: это достигалось тѣмъ, что подъ разными предлогами отъ него требовали, вдругъ, какихъ-нибудь новыхъ уплатъ.

И все же, несмотря на эти стѣсненія и ограниченія, свобода крестьянина не переставала быть свободой. Конечно, положеніе крестьянина было очень тяжелымъ. Онъ выполнялъ повинности передъ помѣщикомъ и общиной; онъ оплачивалъ судопроизводство; онъ несъ непрерывно растущіе платежи за землю. Въ своей книгѣ о сельскомъ хозяйствѣ въ Московской Руси (1899 стр. 244) *Розсковъ* рассчиталъ, что въ сѣверныхъ областяхъ около половины крестьянскаго урожая поступало въ пользу помѣщика; остальной части едва хватало на какихъ-нибудь полгода, чтобы прокормить земледѣльца съ его семьею. Разведеніе скота или какой-нибудь мелкій подсобный промыселъ, въ лучшемъ случаѣ, едва помогали крестьянину свести концы съ концами. Словомъ, жизнь крестьянина протекала въ крайней бѣдности. И, однако, какъ англо-саксонскій *seogl* или германскій *Markgenosse*, онъ передъ правомъ и администраціей, можно сказать, оставался равнымъ—и съ бояриномъ, и съ купцомъ, и съ духовенствомъ. Онъ судился въ тѣхъ же учрежденіяхъ, гдѣ и другія сословія; притомъ начало равенство проводилось здѣсь настолько послѣдовательно, что въ тяжбѣ съ лицами иного сословія, подчинявшимися особой юрисдикціи, крестьянинъ могъ потребовать для себя именно того суда, который полагался для него по закону.

Съ другой стороны, крестьянинъ пользовался извѣстной долей самоуправленія. Доступъ къ нему онъ получалъ, примыкая къ тѣмъ самымъ сельскимъ и городскимъ общинамъ, надъ которыми еще недавно историки испытывали свою проницательность. Мы придемъ еще выяснять характеръ этихъ организацій при болѣе детальномъ разсмотрѣніи тогдашняго общественнаго строя.

Я уже упомянулъ, что нѣкоторые крестьяне не занимались земледѣліемъ. Памятники того времени нерѣдко различаютъ двѣ категоріи крестьянъ, именно: *пахатныхъ* и *деревенскихъ*. Что же такое эти деревенскіе крестьяне? По свидѣтельству документовъ, это—мель-

ники, портные, сапожники. Следовательно, опять передь нами выступает тотъ недостатокъ социальной организаціи, который ведетъ къ хаотическому смѣшенію самыхъ разнородныхъ общественныхъ элементовъ. Только Церковь въ этомъ смыслѣ, оказываетъ противоположное вліяніе. Но вся окружающая среда пребываетъ въ зачаточномъ состояніи. Итакъ, въ деревняхъ имѣются крестьяне не земледѣльцы; съ другой стороны, въ городахъ оказываются настоящіе крестьяне-хлѣбопашцы. Въ деревняхъ крестьяне, не сидящіе на землѣ, нерѣдко примыкаютъ къ довольно загадочному классу *бобылей*. (Это мнѣніе, впрочемъ, нѣкоторыми оспаривается. См. *Дьяконовъ* «Очерки по исторіи сельскаго населенія въ Россіи». 1889, 209 и *Сергѣевичъ*, *Русскія Юридич. древности*. 1903, III, 133 и сл.). Бобыли, это—обезземелѣвшіе крестьяне; иногда они также обрабатываютъ землю, но лишь въ чужую пользу, т.-е. становясь въ положеніе батраковъ. Но, по большей части, бобыли, это, ремесленники или, еще чаще, просто бродячіе элементы, которые смѣшиваются съ другими социальными отбросами, какъ, напримѣръ, казаками, скоморохами, нищими и даже разбойниками. Было бы ошибкой считать ихъ за особую группу—отличную отъ тяглаго населенія. Отъ обложенія освобождались еще иногда земли: это допускалось или на опредѣленный срокъ или же на вѣчныя времена, но всегда особыми актами, лишь въ видѣ исключенія. Но *тянуть тягло* было обычнымъ порядкомъ, общимъ правиломъ, которому подчинялись всѣ элементы населенія. Платили вездѣ и за все, — и бобыли, въ этомъ смыслѣ, не находились въ исключительныхъ условіяхъ. Они также несли извѣстные платежи и повинности, платя съ дома, гдѣ жили, или съ промысла, которымъ занимались. Правда, они не платили ничего за землю, которую воздѣлывали, но лишь потому, что обрабатывали ее не въ собственную пользу. Въ этомъ и заключалось единственное различіе между ними и обыкновенными земледѣльцами.

Въ бобыли можно было попасть либо по несчастію, либо по доброй волѣ. Конечно, это было не слишкомъ завиднымъ положеніемъ. Однако, ничто не связывало съ нимъ человѣка. Найдутся средства, — и онъ всегда можетъ вернуться въ обычныя рамки, жить нормально, какъ и всѣ остальные. Въ XVI вѣкѣ среди сельскаго населенія бобыли составляли отъ 2,4 до 41,6%. Первая цифра относится къ монастырскимъ владѣніямъ. Въ слѣдующемъ вѣкѣ это отношеніе рѣзко измѣняется подъ вліяніемъ смуты, терзавшей наслѣдіе Ивана

Грознаго. Населеніе дѣлается еще менѣе устойчивымъ; однимъ лишь монастырямъ болѣе или менѣе удастся сохранить за собою рабочія руки. Это достигалось привлеченіемъ въ принадлежащія монастырямъ деревни и поселки массы бобылей или, такъ называемыхъ, *монастырскихъ дѣтенышей*. Послѣдніе составляли особую группу земледѣльческихъ рабочихъ: они также не платили податей, но, тѣмъ не менѣе, были лично свободными.

Спрашивается теперь, существовало ли тогда настоящее рабство въ Русскомъ государствѣ? Вѣдь мы знаемъ, что до половины XIX вѣка Россія являлась послѣднимъ оплотомъ рабовладѣнія въ Европѣ.. Несомнѣнно, рабство существовало. Но въ XVI вѣкѣ оно было едва замѣтно въ общей массѣ свободнаго населенія.
